

Российская академическая наука погибает под ударами "реформаторов"

С 1 января 2006 года в России вступят в силу поправки в федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике" от 1996 года. Формально эти поправки стали результатом совместной работы Министерства образования и науки РФ и Российской академии наук, но по сути явились результатом беспардонного лоббирования чиновниками из министерства своих интересов. Крупнейшие ученые страны не раз за последние месяцы предупреждали об опасности "силового вмешательства" в отношения между государством и наукой. Lenta.Ru публикует еще одно компетентное мнение на этот счет.

Что такое наука?

Это совершенно особая сфера человеческой деятельности, результатом которой являются идеи. Наука рисует "картину мира", но это полотно нельзя повесить на стену Эрмитажа, Лувра или Кремля. Нельзя продать или сдать в аренду. Нельзя заложить. Вообще нельзя "обналичить". Так зачем она нужна, эта картина?

Ничего материального, вещественного, такого, что можно взять в руки или продать, академическая наука не производит. Научные теории не патентуют. Они ничего не стоят, потому что бесценны. Разнообразные производства могут быть построены на основе научных идей и могут быть (а могут и не быть!) прибыльными, но сама по себе наука прибыльной быть не может по определению – иначе это не наука, а изобретательство (теперь модно говорить "инновационная деятельность").

Изобретательство отличается от науки тем, что оно спорадично и фрагментарно. Для изобретательства не требуется глубокое знание, нужно озарение, догадка, фантазия, ловкость. И нужна практическая потребность, которая для самой науки – отнюдь не главное движущее начало. Научная база делает изобретательство более целенаправленным и предсказуемым, но новое научное знание никак, нигде и никогда не гарантирует, что это знание приведет к изобретению чего-либо. Науку это, вообще говоря, не интересует, это – другая сфера интеллектуальной деятельности. Инновации – это не наука, хотя они и необходимы для развития цивилизации. Изобретатель колеса не был ученым, он был просто наблюдательным и хитроумным человеком.

Политик – всегда циник, то есть, по меткому определению Оскара Уайльда, человек, который "все оценивает, но ничего не ценит". Действительно, нынешние руководители Минобрнауки очень четко оценивают движимое и, особенно, недвижимое имущество, которое пока еще принадлежит научному сообществу, но ни в малой степени не ценят сами научные идеи. Все разговоры о модернизации науки и повышении ее эффективности нужны только для одного: уговорить общество (которому, в сущности, на все это наплевать, поскольку оно не видит реальной связи науки с курсом доллара), чтобы оно не возмущалось вслух уничтожением науки в России. Ну и, слава Богу, как всегда у нас – "народ безмолвствует"... За исключением нескольких десятков академиков.

Легче всего объявить оппонентов ретроградами, отставшими от жизни или выжившими из ума, косными снобами и консерваторами, сдерживающими прогресс и не понимающими, в чем истинное счастье народное. Но давайте разберемся: что у нас есть, чего нас собираются лишиться, что мы хотим и как этого можно (и как – нельзя!) достичь? И, главное – кому это выгодно?

Что у нас есть?

Во-первых, у нас есть история. Она не столь уж длинная – всего-то 2,5 века (не сравнить с 10–12 веками европейской науки), но достаточно яркая. Такие имена, как Ломоносов, Менделеев, Мечников, Павлов, Капица, Семенов, Вавилов, Колмогоров, Ландау – на пустом месте не вырастают, нужна почва.

Почвой науки являются научные школы. Наука – это такое ремесло, которое передается единственным путем: от Учителя к Ученику. Не существует "самоучителя научного мышления", и никогда не будет. Все те, кто составил гордость российской науки, прошли научные школы – либо в России, либо в крупнейших европейских центрах. Именно благодаря этому российская наука в конце XIX века стала органичной частью мировой.

Разрушение нашей науки началось не вчера. Первый удар нанесли большевики еще в 1918 году, когда выслали из страны целый корабль умнейших людей. Потом – идеологические войны, уничтожение педологии, борьба с космополитизмом, закатывание в асфальт генетики и "непавловской" физиологии. Потом была руководящая роль КПСС, которая вынесла на поверхность сотни безграмотных, трусливых и высокомерных чиновников от науки. Тогда же началось финансирование науки "по остаточному принципу" – мол, ничего, ученые и так без толку штаны просиживают... Не успели избавиться от влияния КПСС – началось испытание голодом, которое в конце 1980-х – начале 1990-х уполовинило научные кадры и уничтожило практически весь парк научных приборов. Что-то продали, что-то растащили: голод-то был не фигуральный, а вполне конкретный, мизерную зарплату не выплачивали месяцами. Утечка умов и сегодня продолжает обескровливать науку, но последние законодательные и управленческие решения заколачивают осиновый кол в гроб российской науки, чтобы уж никто и никогда!

Во-вторых, у нас есть остатки научной инфраструктуры. Она сильно отличается от того, как это устроено в Европе и в Америке (а разве всегда "у них" лучше?), но она есть и пока худо-бедно функционирует. Если в западных странах "чистая" наука традиционно концентрируется, главным образом, в университетах, то у нас таких мощных университетов слишком мало. Петербургский, Московский, Новосибирский, ну еще 2–3 – и все, остальные хотя и "делают науку", но главным образом конкретную, прикладную, отвечающую вызовам перспективного производства или другим сиюминутным потребностям общества. Поэтому у нас значительная часть "фундаментальной" науки сконцентрирована в академических НИИ. Это – факт, являющийся следствием нашей российской специфики и нашей истории. Игнорировать этот факт бессмысленно, а взрывать сложившуюся систему – без формирования адекватной альтернативы – самоубийственно.

Хорошо это или плохо: академическая наука?

Плохо. У нее масса недостатков: оторванность от образования, самоизоляция от других ветвей и направлений науки, слабая связь с практикой.

Хорошо. У нее масса достоинств: широта охвата проблемы, возможность концентрации больших усилий на узком направлении, незагруженность ученых текучкой педагогического процесса, независимость от сиюминутных интересов заказчиков, что позволяет достичь рекордных научных глубин. И еще: возможность координировать исследования и разработки определенного научного направления в масштабах страны: издавать серьезные (рецензируемые) научные журналы, проводить содержательные конференции, обеспечивать экспертизу научных разработок, поддерживать систему подготовки кадров высшей научной квалификации.

Пожалуй, плюсов больше, чем минусов.

Организационная форма существования науки в СССР определяла специфику финансирования этой "отрасли". Деньги на "фундаментальные" исследования выделялись академиям наук, а уже они распределяли их по НИИ в соответствии с политикой, ориентиры которой периодически менялись. Чаще всего большие деньги выделялись "под имя", и этот принцип, хотя и в искаженном виде,

имитировал конкурсную систему, только конкурировали не столько научные идеи, сколько авторитеты. Лучшие перспективы в этих условиях имел тот, кто умел лучше себя рекламировать или обладал нужными связями.

Сейчас финансирование НИИ осуществляется по "подушевому" принципу: бюджет НИИ равен сумме зарплат и налогов в соответствии со штатным расписанием плюс некоторая часть коммунальных платежей и затрат на ремонт и обновление оборудования.

В последние годы все больше заметно стремление чиновников перевести финансирование науки на "конкурсную" основу. Это, якобы, повысит объективность и создаст некоторую законную основу для распределения государственных средств. На самом деле, это создает неопределенность и нервозность в научной среде, и больше ничего. Если для прикладных задач такой подход и приемлем (тоже с большими оговорками!), то для истинной академической науки – сушая беда. Представьте себе, что грант на разработку "Частной теории относительности" выиграл Эйнштейн, а вот другой грант – на "Общую теорию относительности" – отдали какому-нибудь Эдисону, потому что Эйнштейн не оправдал надежд и не запатентовал ни одного изобретения!

В принципе, такого рода работы могли бы финансироваться за счет РФФИ или РГНФ. Однако на сегодняшний день средства, выделяемые из этих фондов (в пределах 10 тысяч долларов США), в лучшем случае позволяют обновить парк оргтехники или прикупить недорогой отечественный прибор. Серьезная экспериментальная работа за счет поддержки этих фондов невозможна. Мало-мальски стоящий современный прибор стоит десятки, а то и сотни тысяч долларов.

Еще одна наша специфическая особенность – формальный разрыв между академической наукой и системой образования, разрыв в том смысле, что административно ВУЗы и НИИ не связаны. Но по сути никакого разрыва никогда не было. На самом деле, все (или почти все) академики – хотя бы по совместительству – работают на кафедрах ведущих ВУЗов, учат студентов, готовят аспирантов, в общем – заботятся о подготовке своей смены. А как же иначе сформируешь научную школу? Кроме того, студенты сплошь и рядом работают в лабораториях академических НИИ, делают там курсовые и дипломные проекты, исполняют обязанности лаборантов и техников. Так было всегда, кое-где так есть и сейчас.

Правда, в последнее время ситуация резко ухудшилась. Уровень квалификации профессуры стал снижаться (утечка умов + низкая зарплата = снижение требовательности, как следствие – падение качества). Еще сильнее снизился уровень подготовки студентов (платность образования неизбежно ведет к его формализации и частичной профанации: платят одни, а учатся другие). Да и интереса у молодежи к занятиям наукой почти не осталось – не перспективно. Выпускник ВУЗа – рядовой программист или юрист без труда зарабатывает 1000 долларов, а рядовой научный сотрудник – едва 50.

Ну и, конечно, катастрофическое состояние экспериментальной базы. Современных приборов нет почти ни у кого, а уникальных приборов, которые изготавливались в одном экземпляре доморощенными Левшами в каждом НИИ и били по всем параметрам и японские, и американские аналоги, нет и подавно: нет денег на комплектующие, да и Левши разбрелись: кто – в автосервис, кто – в "челноки".

Все это ведет к полному разрушению научных школ. Уже стало заметно катастрофическое снижение качества научных публикаций. Некоторые научные журналы, прежде уважаемые и авторитетные, стало невозможно читать: неграмотность, неспособность выразить простую мысль, нелогичность, неумение выстроить, проанализировать и описать эксперимент... Такие работы были всегда, но их было мало, и они легко выбраковывались. Теперь, если их отвергать, то в журналах нечего станет публиковать. Это – трагедия, понятная только профессионалам. Но у нее есть следствия, очевидные всему обществу. Откройте любой вузовский или даже школьный учебник из новых, попробуйте изучить хотя бы один параграф. Скорее всего – не получится. Вы даже не сможете пересказать его содержание, поскольку в этом тексте те же проблемы: нелогичность, неграмотность, ненужные подробности и отсутствие ясной мысли. Дело в том, что эти учебники пишут те же люди, которые пишут негодные научные статьи. Но самое страшное – что все эти учебники одобряются министерством.

А как "у них"?

Не так. Например, научные издания на Западе существуют двух видов: либо это печатные органы общественных научных организаций, либо это коммерческое предприятие того или иного крупного издательства. В любом случае, автор, написавший статью в научный журнал, должен оплатить экспертизу своей работы, а потом, при положительном экспертном заключении, нередко и стоимость публикации. В целом это выливается в несколько сотен долларов. При зарплате профессора среднеамериканского университета около 10 тысяч долларов в месяц – это не такие уж большие затраты, ведь больше 3–4 серьезных статей в год нормальный научный работник подготовить не успевает. Для большинства из наших ученых, даже работающих на мировом уровне, путь в западные журналы закрыт – нет средств.

Конференции и конгрессы тоже проводят общественные научные ассоциации, общества и т.п., а участники этих мероприятий платят от 200 до 500 долларов, а то и больше, за право в них участвовать.

Что касается кадров высшей научной квалификации – по-нашему, кандидатов и докторов наук, то у них такой практики на государственном уровне нет, это – прерогатива каждого университета, везде свои правила, и степень присуждает университет. Другой университет волен признать или не признать эту степень (обычно, разумеется, признают), но – никакого ВАКа, никаких единых "Положений о порядке присуждения...". И, кстати, никаких "докторов наук" – система одноступенчатая, защитил диссертацию – стал "PhD", "доктором философии", а в какой науке – не имеет значения. Только у врачей есть особая привилегия: всякий дипломированный врач может написать на своей карточке "MD" – "доктор медицины", и это почти столь же почетно, как и PhD.

Учебники у них прекрасные. Четкие, хорошо иллюстрированные, написанные ясным языком, отражающие последние достижения науки. Их пишут нередко самые выдающиеся специалисты, признанные в мире. Для них это – не только почетная задача, но и немалый доход: у них за такую работу хорошо платят.

Финансирование университетской науки у них осуществляется по многим каналам, включая федеральные или региональные бюджеты, различные государственные и частные фонды, которые не преследуют при этом никакой выгоды, кроме косвенной рекламы. Наряду с университетской, существует также мощная наука, получающая государственное финансирование, нацеленная на решение энергетических, космических, медицинских и других важных для человечества проблем. В этих крупных научных центрах, естественно, существуют подразделения, выполняющие "фундаментальные" разработки. В Европе немало таких центров имеют международный статус. Что касается прикладных исследований, то они ведутся в первую очередь за счет богатых производственных фирм, многие из которых имеют собственные научные учреждения, а другие "покупают" нужных им специалистов из многочисленных университетских лабораторий.

Ну и, наконец, академии у них тоже есть, но это, за малым исключением, – общественные организации, ничем не владеющие, наукой не занимающиеся, а только обеспечивающие взаимодействие ученых в интересах той или иной социальной задачи. У нас теперь таких академий тоже множество, но многие серьезные ученые считают неприличным признаваться в своей к ним принадлежности: критерии отбора в эти академии уж слишком далеки от научных, порой достаточно заплатить вступительный взнос...

Чем нам не подходит "их" система?

Во-первых, касательно публикаций и конференций. У наших ученых нет денег на функционирование такой системы. Сегодня публикации в научных журналах, издаваемых всеми нашими академиями – бесплатны (а некоторые журналы даже платят какие-то копейки авторам). Если завтра это отменить, то публикации просто прекратятся, и наука умрет.

Во-вторых, про научные степени. Вопрос этот старый и сложный, и замешан он не только на научных, но и на политических дрожжах. Существующую систему, которая идет еще с дореволюционных времен и окончательно сформировалась в 50-е годы XX века, ругают все, и пытались переделать неоднократно, но каждый раз без особого успеха. Главная ее особенность – двухступенчатость: кандидат – доктор. Как

правило, доктора – старше, опытнее, имеют больше публикаций, учеников, авторитета и т.п. Отмени эту систему в одночасье – и мы получим мощный всплеск непрофессионализма, которого в науке сегодня и так предостаточно. У нас в течение многих десятилетий в научные руководители выбивались порой далеко не самые талантливые, зато самые "идеологически надежные" кадры. Хотя и плохо, но работающий ВАК вместе с двухступенчатой системой научных степеней – это необходимый для наших условий "фильтр" на входе в профессиональное научное сообщество. Без него наука у нас в стране просто захлебнется от притока шарлатанов.

И, наконец, про академии, государственные научные учреждения, которых у нас всего 5 ("Большая", "Мед", "Пед", "Сельхоз" и "Архитектурная"). Несмотря на все перипетии, на все политическое давление, на "партийное руководство", члены академий в большинстве – действительно крупные ученые, получившие широкое признание в стране и за рубежом. Если я не ошибаюсь, все российские лауреаты Нобелевской премии в научных областях – академики, причем стали академиками до того, как получили свои заслуженные награды. Академия наук ни разу не поддалась на политическое давление и не изгнала из своих рядов ни одного члена, даже если его объявляли "врагом народа". Н.И. Вавилов погиб академиком. Сосланный в Арзамас-16 и ошельмованный Сахаров оставался академиком. Это, безусловно, делает честь Академии.

Во времена Ломоносова академия была чем-то вроде научного семинара. Но те времена давно прошли, в таком качестве эта организация теперь почти не функционирует. Как структура, выражающая интересы очень уязвимого и достаточно беспомощного научного сообщества, академия – важнейший инструмент политико-экономической жизни страны. Смысл существования академий – выстраивание стратегии научных исследований, поиск и распределение средств на реализацию научных проектов, особенно тех, которые не представляют интереса для бизнеса. На самом деле, те же задачи стоят и перед министерством науки – кстати, в мире таких министерств очень мало, и это понятно: чиновник не способен руководить наукой, у него нет для этого нужной квалификации. По-видимому, именно дублирование административных функций и вызвало тот конфликт между министерством и академией, плоды которого мы сейчас пожинаем. Один из этих монстров должен уйти. Но от того, кто из них уйдет, зависит судьба российской науки.

Чего они хотят нас лишить?

1. Права выбора.

Они (чиновники) хотят продлить свою "вертикаль власти" до самых глубин интеллектуальной сферы, пронзив ею все тело российской науки. Для этого предложено принять такой закон, чтобы президента академии наук назначал президент страны. В этом случае наука будет столь же свободна, как мотылек на булавке. Зачем им это? Даже Сталин не позволял себе ТАК вести себя с учеными.

Они (чиновники) хотят, чтобы наука стала служанкой бизнеса. Это наивно, из философа слуга никогда не получится. Он будет слишком медлителен, задумчив и даже не заинтересован в хозяйской похвале – у него другие, внутренние стимулы. А если возобладают внешние – перестанет быть философом. Но это чиновникам невдомек.

Свобода выбора научной тематики, составляющая главное достоинство академической науки, скоро уйдет в небытие. Вся "бюджетная" наука будет выполняться "по заданию министерства". Уже сейчас основные деньги (причем – не маленькие) распределяются через так называемые "конкурсы", задачи для которых формулируют министерские чиновники. Но, поскольку они в этом не очень-то разбираются, нужные слова они записывают под диктовку администратора из того или иного НИИ. Потом чиновники по своему усмотрению "дорабатывают" задание, включая в него то, что им кажется разумным. Например, подготовить за 1 год 3 кандидатских и 2 докторских диссертации... (это не фигура речи, это – реальная цитата из типичного министерского техзадания, составленного в 2005 году! Пожалуй, это покруче, чем "открыть новую элементарную частицу в текущем квартале" из роммовского "9 дней одного года". Но нынешние чиновники старое кино не смотрят и не знают знаменитый монолог про дураков. А зря).

Что касается сотрудников НИИ, выигравшего "конкурс", то, если они хотят жить, они должны бросить все свои многолетние занятия и выполнять ту тему, которую сформулировал их (а иногда – чужой!) администратор. Качество разработок, и без того очень низкое сегодня, при этом падает "ниже плинтуса", но никакая Счетная палата это не вычислит.

2. Государственной поддержки.

Простому человеку академическая наука не нужна. Да и простому государству – тоже. Нет ведь такой науки ни в Мексике, ни в Пакистане, даже в Болгарии – и то нет. Наука академического типа – прерогатива великих стран: США, Евросоюз, Китай, Япония... в последнее время много вкладывают в науку Австралия и Новая Зеландия, тоже хотят приобщиться. А России это, видимо, не по карману: нефтедоллары должны приносить доход чиновникам, а не улетучиваться в заоблачные дали в виде научных идей.

Их (чиновников) мечта – приватизировать все или почти все академические институты, красивые особняки превратить в доходные дома, бордели и казино, цветной металл из уникальных приборов продать за валюту, а потом перепрофилировать НИИ в какие-нибудь конторы, продающие путевки на Марс или в загробный мир...

Вообще, все это очень похоже на жуткий древнегреческий миф о том, как главный бог стал пожирать собственных детей из страха, что один из них, согласно пророчеству, отнимет у него власть. Министерство, страстно желающее уничтожить или распродать все то, чем назначено управлять – такой же монстр. Кстати, древнегреческому каннибалу ничего не помогло, и пророчество сбылось: Зевс выжил и убил папашку, заняв его трон на Олимпе...

3. Минимальных льгот.

Сегодня академическая наука существует только потому, что имеет некоторые льготы.

Главная из них – согласно доживающему последние месяцы Закону о науке от 1996 года – научные учреждения не должны платить налоги за имущество, которым они располагают. Это правильно, потому что научное имущество не является средством производства, из его эксплуатации невозможно получать прибыль – только научные факты. Но это остается в силе только до 31 декабря. С 1 января 2006 года все научные организации сразу станут банкротами – в Закон недавно внесены поправки, и такой льготы больше нет. Нет льготы – не станет науки.

Другая "льгота" – право сдавать в аренду "временно неиспользуемые помещения", а вырученные деньги государство милостиво соглашалось считать как бы выданными из бюджета, но тратить их можно только на определенные цели. Увеличить нищенскую зарплату ученым (доктор наук и профессор, заведующий лабораторией, получает 3000 рублей в месяц, в 3 раза меньше уборщицы в метро!) нельзя: нарушение! Зато можно заплатить за электроэнергию и тепло (государство такие платежи академическим институтам в полном объеме не обеспечивает), можно купить новый компьютер взамен устаревшего, оплатить интернет... В общем – то – спасение, хотя "временно неиспользуемые помещения" – это вовсе не ненужные площади, а то, чем можно пожертвовать. Но и эта "льгота" с нового года отменена.

4. Статуса научной организации.

До недавнего времени каждая организация, желающая иметь статус научного учреждения, должна была проходить специальную процедуру аккредитации. Это – достаточно формальная процедура, и требований было немного. Главное: в уставе должно быть записано, что в учреждении есть ученый совет, состоящий из кандидатов и докторов наук, решения которого обязательны для выполнения. Теперь вся процедура аккредитации НИИ упразднена. Любая фирма или контора может объявить себя "научным НИИ", и никто не вправе ей возразить. Это позволяет частным фирмам конкурировать с государственными НИИ за казенные деньги, предназначенные "для науки", причем ни чиновники, ни "фирмачи" не имеют никаких "научных предрассудков" и замечательно договариваются о том, как поделить между собой бюджетные средства, отпущенные на решение "важной государственной научной

проблемы". Кстати, перечень этих проблем тоже устанавливают чиновники. Между прочим, в этом перечне нет ни проблем русского языка и литературы, ни педагогики и психологии, вообще никаких наук о человеке и о культуре...

Что они предлагают?

- Уменьшить и без того мизерное государственное финансирование "фундаментальной" науки, создающей новые идеи и не дающей сиюминутной экономической выгоды.
- Уравнять научные учреждения в правах и обязанностях с производственными предприятиями.
- Уравнять государственные научные учреждения в правах и обязанностях с частными и приватизировать большую часть НИИ.
- Разделить все научные учреждения на "чистых" ("фундаментальные"), "не очень чистых" ("частично прикладные") и "нечистых" ("прикладные").
- Уменьшить число государственных НИИ за счет слияния "однотипных", чтобы не распылять казенные средства.
- Уничтожить 4 из 5 государственных академий, сделав оставшуюся ручной и послушной.
- Упразднить двухступенчатую систему научной квалификации (кандидат – доктор наук), чтобы поубавить амбиций всем этим профессорам.
- Увеличить когда-нибудь зарплату (жалованье?) ученым до 1000 долларов.

Что из этого получится?

1. Налоги и платежи задушат те НИИ, которые занимаются наиболее фундаментальными проблемами и не имеют прямых выходов на бизнес и производство, а также те, которые относятся к гуманитарной сфере (история, литература, языковедение, философия и т.п.). Все "чистые" НИИ вымрут в течение полугода.

2. Еще ниже упадет престиж науки, поскольку "наукой" будет называться все, что угодно, и масса частных фирм и компаний рванется в этот сектор, чтобы захватить рынок. Спрос довольно велик: фармацевтическая промышленность, пищевая, нефтехимическая и т.п. Там вращаются огромные деньги. На первых порах вытесненные из академических НИИ "яйцеголовые" придадут энергичный импульс этим фирмам, но в отсутствие настоящей науки (то есть свежих идей) вскоре наступит стагнация и спад. Технологии опять придется закупать за рубежом (и теперь уже навсегда!), а значит – всегда плестись в хвосте научно-технического прогресса.

3. Прекратят свое существование последние сохранившиеся научные школы. Некому будет учить студентов, и учебников некому станет писать. Образование, всегда идущее в фарватере науки, окажется критически неэффективным, Россия перестанет производить профессиональные кадры и будет вынуждена "закупать" специалистов за рубежом, как это было в 20–30-е гг. XX века.

4. Из-за слияния НИИ будет устранен элемент здоровой конкуренции внутри страны, а конкурировать с мировой наукой мы не сможем по объективным причинам: ни техники, ни организации труда у нас такой никогда не было и не будет. В результате уровень научных исследований еще сильнее упадет, отпадет потребность в объективной экспертизе, а российская наука станет изолированной и провинциальной (так уже было в 50-е годы XX века). Возделенной экономии средств при этом не получится, так как в отсутствие конкуренции и научной грамотности гораздо чаще будут выбираться ошибочные направления исследований, никуда не ведущие.

5. Научный рост потеряет смысл. Диссертации будут нужны только для личного престижа, но поскольку научная деятельность окончательно потеряет социальную привлекательность, то и диссертаций никто делать не будет. Стало быть, молодежь не пойдет в науку, и некому будет проводить экспериментальные исследования, и не будет прироста новой научной информации. Вернемся в средневековье: все по очереди будут цитировать друг друга, а еще больше – Аристотеля.

6. Российская Академия наук, любимое детище Екатерины Великой, перестанет существовать как интеллектуальный центр. Некому станет переписываться с преемниками Вольтера, да и не о чем. А и в самом деле, зачем?

Кому это выгодно?

Реформа такого масштаба несоизмерима с личными амбициями или даже патологической жадной наживы. У такой реформы должны быть глобальные, причем политические цели.

Тут – одно из двух: либо кто–то из доморощенных стратегов хочет полностью уничтожить в стране остатки интеллекта для того, чтобы установить "серый порядок" (термин Стругацких), либо выполняется заказ извне, цель которого – уничтожить российскую государственность. Ведь без науки страна обречена на все большее технологическое отставание, сырье рано или поздно кончится, а желающих занять эту огромную территорию, хоть и неухоженную, найдется немало. В обоих случаях речь идет о жизни и смерти Государства Российского.

Петр I и Екатерина Великая, закладывая основы Российского государства, насаждали науку. Власти, управляющие остатками великой страны в начале XXI века, науку уничтожают. В такой ситуации окончательный развал страны неизбежен.

Чего мы хотим?

Мы хотим одного: чтобы Россия могла гордиться не столько тоннами проданной нефти и килотоннами взорванных на полях войны бомб, сколько интеллектуальной мощью своего народа. Только так мы можем удержаться в разряде великих держав.

Мы, возможно, самый изобретательный народ в мире (зубоскал Задорнов во многом прав), и именно это должно стать предметом нашей национальной гордости.

Как этого достичь?

1. Ликвидировать министерство науки.
2. Передать все административно–политические функции в области науки Академии наук, безусловно сохранив в неприкосновенности ее внутреннюю демократию. Вопрос о слиянии 5 академий в одну должен быть неспешно решен исходя из грамотных и непредвзятых экономических расчетов и соображений политической, социальной и научной целесообразности.
3. Законодательно установить фиксированный минимальный объем (в процентах от бюджета) ежегодно выделяемых на развитие и содержание науки средств, достаточных, чтобы поднять технологии научных исследований на мировой уровень. Это сразу привлечет в науку молодежь и затормозит утечку умов.
4. Восстановить экономические льготы для государственных НИИ.
5. Установить сетку оплаты труда в науке исходя из средней по стране для работников государственных предприятий в качестве гарантированного минимума. Доплата к этому уровню должна напрямую зависеть как от квалификации, так и от объективных критериев научной успешности (индекс цитирования, количество грантов и т.п.).
6. Отказаться от практики "конкурсов" на выполнение научных разработок по "государственным контрактам". Кроме коррупции это ни к чему не ведет, конкурсы выигрывает не лучший, а самый

ловкий и "щедрый". В то же время, следует сохранить и даже расширить практику госзаказа на прикладные разработки по направлениям, выбираемым государственными ведомствами (Минобороны, МЧС, Минздрав, Минсельхоз и т.п.).

7. Запретить чиновникам экономических и других ведомств вмешиваться в текущее и перспективное планирование академических научных разработок. Создать систему международной научной экспертизы проектов при решении вопросов об их финансировании.

8. Сформировать систему частных и государственных фондов, финансирующих научные разработки в форме грантов, особенно в области фундаментальных исследований и гуманитарных наук (РФФИ и РГНФ на огромную страну – это мало). Создать реально привлекательные условия для спонсоров, желающих участвовать в финансировании научных исследований и создании современных экспериментальных баз как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

9. Отказаться от идеи слияния научных учреждений против их собственной воли, по "экономическим" соображениям. Уровень автономности и самостоятельности каждого НИИ должен быть поставлен в прямую зависимость от объективных критериев его научной успешности на мировом научном поле (индекс цитирования, количество грантов всех видов). Только это может быть критерием подразделения НИИ на категории, а не суждения чиновников, что есть "фундаментальное", а что – "прикладное". Никто не вправе брать на себя смелость проводить такую границу!

10. Разработать две хорошо финансируемые государственные программы: первая – поддержки научного книгоиздания и издания научной периодики (предусматривая параллельный перевод издаваемых книг и журналов на английский язык); вторая – опережающего формирования экспериментальной базы научных исследований за счет закупки самых современных приборов на Западе и за счет реанимации собственного, пусть кустарного, производства научных приборов и уникального оборудования.

11. Установить неприкосновенность федеральной собственности, находящейся в распоряжении научных учреждений. Такая собственность не может быть отчуждена ни по каким основаниям, передана в управление третьим лицам, заложена, продана и т.п. Разграбление государства чиновниками нужно срочно остановить.

12. Вернуть систему аккредитации научных учреждений, придав ей более серьезный характер. Прошедшие аккредитацию научные учреждения должны иметь равные права вне зависимости от формы собственности.

Чем это выгодно?

Если все это выполнить, обеспечить научным учреждениям и работающим в них ученым достойное существование и возможность работать на современном уровне, то престиж науки резко вырастет. Это привлечет к ней умных и активных молодых людей, имеющих склонность не к коммерции, а к познанию. Их немного, но много и не надо. С этого момента начнется медленное возрождение науки. Лет через 10 можно будет заметить, что отток умов почти прекратился, а статьи наших ученых публикуются в мировых изданиях наравне с американскими и европейскими. К нам захотят приезжать учиться в ВУЗах и в аспирантуре. Появятся хорошие современные отечественные учебники, повысится общий уровень образования. Престиж страны вырастет. Новое научное знание будет искать практического приложения, появятся внедренческие фирмы, по миру пойдут разработанные в России технологии (не только военные), российских ученых будут приглашать читать лекции в Кэмбридж и Сорбонну, имидж России в мире станет более привлекательным. Если при этом будет нормальная внутрисполитическая обстановка, то в страну, наконец, пойдут инвестиции. Все это обеспечит стабильность и укрепление демократии. И мы вновь реально станем великой державой.